

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

И.Н. ИОНОВ

Женщины и власть в России: история и перспективы

В истории такой патриархальной страны, как наша, власть женщин зачастую с подозрением и недоверием рассматривается даже сторонниками гендерного подхода к истории. В современном пособии "Женщины в исторических судьбах России" о Екатерине II написано, что "ее драма заключалась в том, что чувства прекрасного пола зачастую побеждали интуицию политика" [1]. Единственное явное исключение - окутанный дымкой времен образ княгини Ольги - победительницы конкурирующего княжества (древлян), учредительницы системы сбора налогов на местах ("погостов") и инициатора принятия православия русской знатью. Однако уже применительно к правлениям женщин-императриц XVIII века оценки далеко не столь положительны. Авторы отмечают, что на троне женщинам фактически приходилось брать на себя мужскую ношу и вести себя соответственно [2]. Этим с них частично снимается вина за ошибки в правлении, за часто сомнительную историческую роль, за тягостную память, которую они оставили в народе и демократической историографии.

Между тем опыт XVIII века - ключевой в истории отношений женщин и власти в России и не оценив его по достоинству, со всех сторон, нельзя представить себе перспективы участия женщин в российской политике. Этот опыт уникален, ибо в течение более чем 70 лет (с небольшими перерывами) именно женщины осуществляли высшую власть в государстве. Таким образом оформилась целая эпоха, сложилась политическая традиция, которая, правда, не была осмыслена как таковая и во многом до сих пор остается на периферии политической истории и народного самосознания. Кризис, переживаемый сейчас политической системой нашей страны, в частности, угроза олигархии или автократии, делает тему участия женщин в политическом процессе особенно актуальной, придает историческому анализу событий давно прошедших дней теоретическую и политическую значимость. Только на этой базе можно строить прогнозы о роли женщин в будущей российской политике.

Гендерные альтернативы верховной власти в России XVIII века

Внешне роль женщин-императриц действительно выглядит как случайная, а сами они - как жертвы неудачной реформы престолонаследия, осуществленной Петром I: опасаясь прихода к власти традиционалистов, подобных царевичу Алексею, он повелел передавать ее произвольно, независимо от родства и пола. Основой преемственности власти должно было стать политическое единомыслие, приверженность делу европеизации России. Но отсутствие завещания, малочисленность царской семьи, скорая смерть прямого наследника и дефицит претендентов-мужчин все больше от-

Ионов Игорь Николаевич - кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

тесняли эти требования на задний план, и к власти привлекались женщины. Аристократия видела в них удобный объект для манипуляций, поскольку они подчас слабо ориентировались в политике. Да и сами женщины, пришедшие к власти в патриархальной стране, часто осмыслили свою роль в терминах господствующей культуры. Так, Екатерина II ценила в себе больше всего мужской, как она полагала, ум и предпочитала, чтобы эпитет, обозначающий ее величие, к ней применяли не в женском, а в мужском роде [3, с. 369]. Соответственно и историки практически не выделяют женщин-императриц из общей линии рода Романовых, лишь отчасти отмечая курьезы их правления, малозначительные на общем фоне процессов европеизации элиты и развития крепостничества.

Однако, на мой взгляд, столь долгое присутствие женщин на российском троне не могло быть и не было случайным. Это был естественный результат громадных преобразований Петра I в сфере власти. Речь идет при этом не столько о реформах, которые вполне справедливо связывают с тенденциями предшествующего века, а с символической и ритуальной стороной власти, с мифом о власти, который был радикально переосмыслен Петром I.

До Петра царь рассматривался прежде всего как сакральная фигура, "икона Бога", стоящая на страже православного благочестия и традиционных общественных устоев. Власть царя была огромна, но она фактически ограничивалась имевшимися прецедентами ее применения, особенно деятельностью правителей, канонизированных церковью (хотя этими примерами легко манипулировали). Нрав и своеволие царя ограничивались необходимостью соблюдения пышных, многочасовых ритуалов, как церковных, так и политических (например, прием послов). Это была система дисциплинированна воли самодержца, аналогичная по функции рационализации законодательства и применения законов в современном обществе.

Петр I в своем стремлении разорвать связи с традиционным обществом сломал эти ограничители, с помощью своих идеологов противопоставив идеалу воспроизводства освященной традиции идеал государственной пользы, (общее благо), который можно было понимать и как идеал воплощения непредсказуемых по своей сути желаний правителя, реализующего одному ему очевидную логику преобразований [4, кн. 1]. Преследуя часто недостижимые цели (вольнонаемная армия, свободный труд на мануфактурах, выборные органы управления у купцов и дворян, правительствующий Сенат), Петр затем резко менял свою политику, воплощая в политической практике идеал полного произвола, пусть и оправданного самыми лучшими намерениями.

Его несколько извиняло то, что он действительно думал прежде всего об общественной пользе и упорно стремился к результатам, которые усилили бы государство, укрепили армию и экономику. Но прецедент, который он создал, мог толковаться по-разному. Утилитаризм в авторитарном обществе не способен провести различия между интересами государства и государя (тем более, что "вотчинный" подход к государству как собственности царя и к населению как к его холопам никто не отменял). Не будучи ограничен общественным контролем или волей царя, утилитаризм неизменно ведет к вырождению власти и трансформации ее в инструмент удовлетворения прихотей правителя.

Примером подобного рода представлений о "пользе" являются кошмарные эпизоды, когда в XVIII веке к власти (полной или ограниченной) прорывались мужчины - Петр II (1727-1730), Петр III (1761-1762) и Павел I (1796-1801). Не только малолетний Петр II, но и его великовозрастные преемники вели себя при этом, как дети (особенно это касается их игр в войну в поведения во время государственных переворотов, что зафиксировано воспоминаниями современников). Выскажу подозрение, что так произошло бы с любым правителем-мужчиной, не имевшим масштаба личности Петра I (например, с несчастным Иваном VI). В традиционном по своей сути обществе Петр I укрепил весьма опасную традицию, согласно которой *величие* оказывалось неотделимым от *своеволия*. Особенно это опасно в России, где крайности

вообще в большом почете и умеренность сплошь и рядом рассматривается как признак слабости.

Схожий прецедент имел место в конце XVI века, но итоги правления Ивана Грозного были далеко не столь внушительны, как результаты царствования Петра I. Роль церкви и традиции оставалась неизмеримо более высокой, да и его наследник Феодор Иоаннович по своим психофизическим данным не мог играть роль царя-самодура. Тем не менее страна, привыкшая к насилию и непредсказуемости власти, была в итоге вергнута в Смутное время.

Образно говоря, Петр оставил своим наследникам-мужчинам слишком большие и разношенные сапоги, чтобы хоть один из них мог ими пользоваться без ущерба для себя и страны. Угроза нового Смутного времени была вполне возможной, если бы на этот раз старые сапоги не отставили в сторону и не произвели самый радикальный из политических переворотов, использовав *гендерную* альтернативу.

Скорее всего этот вариант был выбран случайно: женщин в роду Романовых оставалось больше, чем мужчин. Но значение сделанного поворота нельзя недооценивать. На общем фоне истории трех четвертей XVIII века только женщины-императрицы, несмотря на все их слабости, противоречия, непоследовательность и зависимость от фаворитов, производят впечатление взрослых людей, под ногами которых, прячась за широкие юбки, бегают вечные мальчишки-императоры. Оказалось, что женщинам гораздо проще, чем мужчинам, преодолеть искушения нового, в общем довольно неопределенного положения. На первых порах сказывалась терменная дисциплина, обусловленная подчиненным положением женщины в русском обществе XVII века, и воспитание, полученное при иностранных дворах в семье отца или мужа. Затем их место стала занимать дисциплина светская, воспитанная жесткой необходимостью понравиться императрице-предшественнице.

Женщины, не только императрица Анна Иоанновна (1730-1740), но и Елизавета Петровна (1741-1761), были гораздо более богобоязненны, чем императоры-мужчины, и следили за соблюдением народом обрядов православной церкви, удерживая процесс распада традиций. В подражании Петру I его дочь Елизавета не столько проявляла своеволие (хотя фамильные черты сказывались), сколько следовала духу преобразований отца, поддерживала созданные им учреждения, благоговела перед памятью [5, кн. XI, с. 527]. Особая гендерная культура женщин-императриц была основой всей их политики, в том числе ее "мужской", волевой составляющей, которая так не нравится феминисткам, и действительно - это не самое яркое из их достижений.

Волевые акты женщин на российском престоле скорее способны вызвать критику - начиная с выступления Анны Иоанновны, согласившейся на ограничение своей власти, но затем разорвавшей "Кондиции" и поставившей тем самым на место русской олигархии немецкую, и кончая "Константинопольским проектом" восстановления Византийской империи под российским господством и походом в Индию, предпринятыми на закате дней Екатериной II (1762-1796) [3, с. 374]. Даже лучшие из "волевых" проектов последней, такие как попытки разделения властей и создания городских органов самоуправления, оказывались нежизнеспособными и служили разве что образцами для будущих реформаторов.

Но одновременно эпоха женщин-императриц была полна своеобразия и часто игнорируемого значения. В это время из "пустяков", элементов частной жизни, забав и праздного на первый взгляд времяпрепровождения вырастали целые пласты культуры, формировались предпосылки и механизмы дальнейшей модернизации.

Светская жизнь и воспитание дворянства

При Петре I обучение дворянства стало еще одной повинностью, принижавшей родовую знать и вызывавшей подспудное сопротивление. Такой же повинностью было и участие в светской жизни, посещение ассамблей, введенное в Петербурге в 1718 году. С приходом к власти Екатерины I (1725-1727) празднества оживились. Сама императрица, по описанию В. Ключевского, "вела беспорядочную жизнь, привыкнув,

несмотря на болезненность и излишнюю полноту, засиживаться до пяти часов утра на пирушках" [6, т. 4, с. 261]. Огромную роль сыграл переезд двора из все еще строящегося Петербурга в Москву, средоточие дворянских усадеб. Произвести впечатление на императрицу и окружавших ее членов Верховного тайного совета, а также их родственников, стремились многие. Карьера и благосостояние зависели от этого в такой же мере, как при Петре I - от доблестной военной службы.

В новых условиях знать создала особые, предназначенные для нее учебные заведения и стремилась приспособить их не только для нужд государства, но и для обучения нормам светской жизни. Это стало возможным в 1731 году, когда был основан Кадетский корпус, имевший хорошее финансирование и призванный выпускать офицеров. Но фактически параллельно с падением интереса дворянства к военной службе, где все лучшие места занимали немцы, корпус стал приобретать значение учебного заведения, ориентированного на подготовку не столько офицеров армии, сколько галантных кавалеров. Уже при его основании было предусмотрено обучение фехтованию, иностранным языкам, истории, танцам, музыке "и прочим полезным наукам", перечисленным в популярном тогда руководстве для молодежи "Юности честное зеркало" (1717), которое уже при Петре I выдержало три издания. В 1733 году при ревизии корпуса выяснилось, что подавляющее большинство слушателей занимается, кроме обязательных дисциплин, в основном указанными "галантными науками" - немецким языком (237 чел.), танцами (ПО чел.) и фехтованием (47 чел.) [5, кн. X, с. 514]. Демократ Ключевский писал, что в этих условиях любой дворянин хотел "стать лоценым светским фатом и придворным пройдохой" [6, т. 4, с. 251].

Отчасти это было верно, но не менее прав был и Г. Плеханов, когда указывал, что уравнивание Петром I дворянства с остальными сословиями в тяготах службы и учебы - шаг отнюдь не демократический. Более того, движение от деспотии к демократии заключается именно в том, что свободными сначала становятся представители элиты, аристократы [7, кн. II, с. 38]. Светская жизнь, постепенно теряя черты принудительности, приобретала характер борьбы дворянских партий за влияние на очередную императрицу, и связанная с ней система образования и воспитания выражали именно эту тенденцию, ведущую к культурной, а затем к политической и социальной модернизации.

Правда, свобода светской жизни появилась не сразу. В годы правления Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны основная примета светской жизни - повиновение прихотям и слепое подражание пристрастиям императриц. Но вместе с этим в жизнь дворянства входит новая черта - относительно быстрая смена моды на одежду, популярные произведения литературы, стихи и песни, чего не было раньше. Появилась личная увлеченность нововведениями. При Анне Иоанновне, очень любившей загонную охоту, среди дворянок распространилась мода на стрельбу по голубям (как писали современники, "лезли бы в ледяную воду, дабы угодить коронованной особе") [3, с. 111]. При Елизавете Петровне, обожавшей наряды и действительно менявшей платье по 4—5 раз в день, как никогда большую роль в жизни двора стали играть балы и маскарады. Присутствовать на них, по петровскому образцу, было обязательным, что проверялось гвардейцами. Придворные дамы, зачастую тоже менявшие костюм 2-3 раза в день, должны были на каждый бал являться в новом наряде. Чтобы они не плутовали, используя старые платья, по окончании бала гвардейцы ставили им на удобном месте государственные печати [3, с. 233].

Уже при Анне Иоанновне эти развлечения стали приобретать огромный размах и, наряду с затратами на войны и жесткой фискальной политикой государства, ложились тяжелым бременем на казну и на личные бюджеты дворян. В знаменитом потешном венчании князя Голицына-Квасника и калмычки Бужениновой в 1740 году участвовали представители всех народов, подвластных императрице, в национальной одежде, с оружием и инструментами (причем все это оплачивалось из казны), рожечники, плясуны, группы скоморохов [5, кн. X, с. 530-532]. Придворные праздники были открыты

для дворян, с условием, чтобы те вели себя прилично, не играли в азартные игры, носили чистое платье и белье и ежедневно пудрили волосы [5, кн. X, с. 469].

Во времена Елизаветы Петровны все большие требования стали предъявляться не только к одежде участников балов, но и к их культурному уровню. Образование, прежде всего знание языков, стало необходимо как для мужчин, так и для женщин. В связи с этим появляются не только государственные, но и частные учебные заведения. Например, в 1753 году в Петербурге иностранцами была открыта частная школа для мальчиков и девочек, где они обучались французскому и немецкому языкам, а девочки еще и шитью, арифметике, экономии, танцам, истории и географии, "а притом и чтению ведомостей" [5, кн. XII, с. 278]. Это было необходимо для светского воспитания, умения поддержать разговор в обществе. Все более модным становилось и чтение книг, прежде всего романов, обсуждение которых позволяло на балу или приеме обняком выразить свои собственные чувства, завязать флирт или более серьезные любовные отношения, являвшиеся стержнем светской жизни.

Стремлению приблизиться ко двору противостояла ограниченность средств знати. Именно в это время начинается новая волна обнищания дворянства, какой не знали с 1641 года, когда "дети боярские" столь часто продавали себя в холопы, что царю Михаилу Романову пришлось им это законодательно запретить. В 1736 году вновь отмечалось, что дворяне тайком записываются в купечество или вступают в дворовую службу к богатым людям. Чтобы предотвратить подобное бесчестие, часть дворян была отпущена со службы для управления имениями, а в многодетных семьях один из детей мог не служить и заниматься хозяйством [5, кн. X, с. 467]. Так начался процесс вовлечения дворян в хозяйственную деятельность и превращения их в свободное привилегированное сословие, а дворянских усадеб - в центры культуры в недрах крестьянской России. Этот процесс неразрывен с деятельностью женщин-императриц, и если вначале его связь со светской жизнью не очень ясна, то впоследствии она становится все более и более прочной.

"Придворная рациональность" и придворное предпринимательство

Особенно разорительным для дворян было царствование Елизаветы Петровны, которая проводила жизнь в нескончаемых праздниках, играла в карты на крупные суммы и без удержу флиртвала, не спала ночами (отчасти из-за боязни покушения на ее власть), вовлекая в этот круговорот придворных и дворянство. Именно в это время создалась традиция ежедневных концертов при дворе. К устройству праздников привлекли Академию наук и художеств, причем задания, связанные с увеселениями, считались для академиков главными, приоритетными по сравнению с наукой. В Академии появилась кафедра аллегории для проектирования художественного оформления праздников, были изобретены разновидности фейерверка, позднее утраченные и не восстановленные до сих пор [8].

15 из 20 лет царствования Елизаветы были мирными, но процесс разорения дворянства не остановился, как можно было бы подумать, а еще и усилился, распространившись на самую богатую часть знати. Началась настоящая тирания моды, потому что императрица, главными предметами размышлений которой были мода и собственная красота, вовлекала верха дворянства в бесконечную гонку смены нарядов, экипажей, устройства праздников, строительства дворцов. Иным путем понравиться ей было невозможно. Напротив, стремление держать открытый стол, постоянно готовый к приему императрицы вместе с ее огромной свитой, покупать самые лучшие и дорогие парижские наряды казалось ей подлинно патриотическим, достойным всякого поощрения, более того, становилось важнейшим государственным делом, финансирующимся из казны. Российское посольство в Париже систематически изучало ассортимент модных лавок и разорялось на покупке нарядов для императрицы [3, с. 232].

Все это стимулировало движение денег и собственности, побуждало к предпринимательству. Конечно, проще всего было попросить деньги у самой императрицы.

Но это удавалось только наиболее приближенным придворным. Так, канцлер М. Воронцов, богатейший помещик и фабрикант, постоянно жаловался Елизавете на бедность и выпрашивал новые имения, которые немедленно закладывал и вновь просил, чтобы государство их выкупило [3, с. 231]. Он не знал отказа, потому что непременно являлся к государыне с модными вещами, сведениями о парижских нравах и нововведениях. Модные одежда и поведение беспрепятственно конвертировались во власть и деньги.

Но можно было выпрашивать не сами имения, ибо ресурсы государства не безграничны, а привилегии в предпринимательской деятельности. Особенно известен в этой связи стал П. Шувалов, который, создав мощную экономическую базу для угождения императрице, организовал широкое производство железа на Урале, прославился изобретением особой "шуваловской мортиры", получил монополии на многие промыслы - табачный, соляной, по добыче трески и морского зверя. В 1754 году он использовал свое влияние на императрицу, чтобы уничтожить в России внутренние таможенные пошлины. Это было очень выгодно лично ему, но одновременно означало переворот во внутренней торговле страны, где впервые полностью утвердились принципы единого рынка [5, кн. XI, с. 179].

Придворная борьба знати все же имела своей целью не приобретение богатств, а повышение своего общественного статуса и престижа, расширение власти. Поэтому следование моде часто было убыточным. После смерти Шувалова его долги почти на 100 тыс. рублей превысили наследство. Богатейший помещик П. Шереметев, имевший 800 тыс. десятин земли, должен был занимать деньги для организации праздников не только у купцов, но и у своих собственных крепостных крестьян [9, с. 182]. Эта тенденция принимала всероссийский размах, ибо прославиться перед императрицей хотелось многим, а петербургские нравы копировались в губерниях. Еще в начале XIX века в Москве на Большой Дмитровке жили престарелые супруги, которые по обычаю елизаветинских времен днем спали, а ночью ездили по улицам в украшенной серебром карете, запряженной шестеркой лошадей.

Все это заставило российское дворянство активно включиться в хозяйственную жизнь. В 1754 году открылся Дворянский банк, где разорившаяся знать могла закладывать все имения и получать деньги под умеренные проценты. Кроме того, винокурение было объявлено дворянской монополией. На диво французским дворянам, которые по традиции сторонились предпринимательства как "низкого" дела, среди российских дворян появлялись и исчезали своеобразные "моды" на сукноделие, металлургию, кожевенный промысел. Основой производства была крепостная мануфактура, а главным рынком сбыта - государственные заказы. Развивалось своего рода "придворное предпринимательство", тесно зависимое от субсидий, льгот и привилегий, дававшихся государством. Оно было ориентировано на огромные доходы и заложило бытующее в стране до сих пор представление о "норме прибыли", сравнимой разве что с наживой от работорговли или наркобизнеса.

Осознавая ограниченное значение такого рода производств для модернизации, неразрывную связь с крепостничеством и самодержавием, что впоследствии привело к их застою, необходимо подчеркнуть, что в условиях XVIII века подобная предпринимательская деятельность в России имела самостоятельное значение, ибо была не столько навязанной государством, как это было ранее, сколько "спровоцированной" им, основанной на *внутренних* мотивах и потребностях дворянства. Она порождала свои взлеты и кризисы (например, в производстве парусного полотна и шинельного сукна дворянами) и осталась в памяти потомков благодаря подъему в середине XVIII века производства великолепного русского железа, которое конкурировало со шведским и в больших количествах закупалось Англией, вплоть до начала XIX века отстававшей от России в развитии этой отрасли [10; 5, кн. XIV, с. 92, 93]. Из-за развившейся торговли Петербург, бывший в течение многих десятилетий бездонной ямой, в которую уходили деньги казны, стал впервые приносить доход.

Подобные процессы были характерны не только для России. Немецкий социолог Н. Элиас считал, что функционирование придворного общества в условиях европейского абсолютизма является необходимым условием рационализации поведения, отношения к жизни и мышления как непосредственных предпосылок модернизации. В своих книгах "О процессе цивилизации" и "Придворное общество" он показал, что борьба за влияние на короля как центра власти постепенно преобразует поведение придворных, создает своего рода "придворную рациональность", ориентированную на расточение материальных благ во имя концентрации власти и престижа. Механизмы внешнего контроля за поведением при этом замещаются механизмами внутреннего контроля, импульсивность и агрессивность сменяются расчетливостью и утилитаризмом. Параллельно этот процесс порождает классицистическое искусство и рационалистическую философию [11].

Однако на Западе затраты придворных обычно компенсировались за счет доходов от колоний. В России нагрузка падала на население страны, прежде всего на крепостных крестьян, что усложняло картину, создавая, наряду с просвещенным, втягивавшимся в предпринимательство дворянством, забитое и деморализованное, архаическое по культуре крестьянство, раскалывая тем самым общество.

Механизмы "женского правления" и культура маскарада

В России, как и в других странах с абсолютистским строем, рационализация поведения контролировалась особыми группами придворных. Такая группа создается уже при Анне Иоанновне, восстановившей "царицыну комнату" - штат приживалок, обслуживавших жен московских царей. Первоначально это сообщество, главной целью которого был сбор сплетен и слухов, помещалось в старинном, построенном еще царем Алексеем Михайловичем Измайловском дворце [3, с. 108].

При Елизавете Петровне "царицына комната" модернизируется, создается "интимный солидарный кабинет". Функции его постепенно расширяются: здесь наряду со светскими сплетнями обсуждаются вопросы внутренней и внешней политики. Фрейлины, проводившие время с императрицей, приобретали при этом огромную власть. Влияние П. Шувалова, например, было связано с тем, что его жена - некрасивая, но хитрая и влиятельная фрейлина М. Шепелева (Шувалова) - была своего рода "премьером" этого "кабинета", умело интриговала и оговаривала врагов мужа. Членами "кабинета" были также А. Воронцова и какая-то безвестная фрейлина Елизавета Ивановна, которую называли министром иностранных дел, так как через нее императрице подавались документы. Однако главным занятием "кабинета" оставалось обсуждение нравов и нарядов придворных, новых мод, любовных отношений. Сюда поступали слухи и сплетни о разных происшествиях и диковинках, отсюда раздавались важные чины и хлебные места [6, т. 4, с. 340].

Именно во времена Елизаветы складывается характерное для западного придворного общества периода абсолютизма соперничество придворных клик, которое активно использует в своих интересах монарх. При том важную роль в борьбе за монаршее благоволение играют изысканные формы поведения и наряды, создается и развивается придворный этикет как ритуал манипулирования символами власти. Для самой Елизаветы Петровны натравливание придворных друг на друга, сплетни и наушничество были любимым развлечением.

С течением времени императрицы оказывались все больше связаны не только с гвардией, возводившей их на престол, но и с общественным мнением знати. Еще Елизавета при холодном и даже враждебном ей дворе Анны Иоанновны должна была научиться, используя свой женский такт, лавировать между разными общественными силами - "проходить между толкающими друг друга людьми, не задевая их" [5, кн. XII. с. 639]. Екатерина II, чье положение при дворе Елизаветы Петровны было также непрочным, добивалась поддержки, угождая знатным, влиятельным и близким "кабинету" старушкам. Она подолгу беседовала с ними об их здоровье, слушала их

воспоминания и спрашивала их совета, а затем искренне благодарила. В своих записках она пишет, что "знала, как зовут их мосек, болонок, попугаев, дур; знала, когда которая из этих барынь именинница... Не прошло двух лет, как самая жаркая хвала моему уму и сердцу послышалась со всех сторон и разлилась по всей России. Этим простым и невинным способом составила я себе громкую славу, и, когда зашла речь о занятии русского престола, очутилось на моей стороне значительное большинство" [3, с. 311].

Поведение будущей императрицы объяснялось не только хитростью, но и детскими комплексами. Еще девочкой Екатерину убеждали, что она некрасива, и это заставило ее учиться искусству нравиться ("искать в душе того, чего недоставало наружности") и стремиться к этому всю жизнь [6, т. 5, с. 338]. Особенно в начале своего царствования императрица, по замечанию иностранцев, делала все, чтобы понравиться своим подданным.

Эта стратегия самоутверждения при помощи женских средств и в женском обществе не заменяла Екатерине общения с такими политическими деятелями, как А. Бестужев-Рюмин, Шуваловы, С. Апраксин, М. Воронцов, Разумовские. Но она стала в это время *равно* необходимой. При женском дворе надо было не только убедить в своих способностях, надо было понравиться. Политика как никогда раньше строилась не только на расчете, но и на эмоциях.

Однако противопоставлять разум и эмоции было бы неверно. "Придворная рациональность" подразумевала и рационализацию эмоциональной жизни. Провоцирование и соблазнение стали широко применяемыми стратегиями, которыми Екатерина пользовалась, зная слабости как императрицы Елизаветы, которую она не боялась страшить отъездом в Германию, так и простых деревенских баб, с которыми она не только говорила, но и обнималась и целовалась на русских дорогах [3, с. 309]. Лишь с возрастом эта рациональность проявления эмоций перешла в рационализации по З. Фрейду, которыми престарелая императрица старалась защититься от растущего одиночества.

Тем самым женские органы власти, не государственные, а общественные по своей сути, мало зависимые от бюрократии и официальной иерархии, от мифологии российской власти, способствовали зарождению в стране общественного мнения нового, нетрадиционного типа, связанного с личными впечатлениями и оценкой персональных качеств представителей власти, а не с их соответствием сакральному прототипу, отражением которого они являлись.

Средства соблазнения и приручения, отработанные на женщинах, Екатерина II успешно использовала применительно к мужчинам. "Увлекать их, сманивать на свою сторону, превращать прежде враждебных, равнодушных или нейтральных - в своих верных слуг, надежных сторонников, верных друзей" - вот ее важнейшая цель [3, с. 340]. Управление страной было для нее женской игрой с мужскими судьбами и именно поэтому она так часто оказывалась в выигрыше. Ей не раз приходилось отдавать свою судьбу в чужие руки, но только для того, чтобы добраться до места, к которому она стремилась, не имея для этого собственных сил. Она умела очень точно угадывать настроение и стремления собеседника, внимательно слушать и "попадать в такт" с его мыслями, заставляя раскрыть свои намерения и способности, провоцировала и "заводила" мужчин, а затем использовала их в своих целях. Она не приказывала, а как бы подсказывала им свои желания, заставляя мужчину поверить в то, что это его собственные цели. Как писал Ключевский, "она умела чужое самолюбие делать орудием своего честолюбия, чужую слабость обращать в свою силу" [6, т. 5, с. 27].

Именно поэтому Екатерина никогда не страдала от извечной проблемы российской власти - нехватки способных людей. "Неурожая на людей не бывает", - искренне считала она. И действительно, благодаря этой стратегии ей удалось окружить себя толпой выдающихся талантов, из которой она выбирала лучших, таких как государственные деятели Г. Потемкин и А. Безбородко, полководцы А. Суворов и П. Ру-

мянцев, флотоводец В. Чичагов, организатор образования И. Бецкой, поэт Г. Державин... Она облакала этих людей личным доверием и делала лично себе обязанными. Императрица никогда не упускала случая отметить их "персональную ко мне любовь и привязанность" и всегда ее вознаграждала [3, с. 338].

Однако меру рационализации общественной жизни XVIII века не стоит преувеличивать. Умные разговоры и безупречное следование этикету ценились при дворе. Но чем дальше от столицы, тем более оригинальным, а порой и вызывающим должно было быть поведение, чтобы вызвать интерес и слухи, необходимые для приближения к носителям власти. Да и среди придворных императрицы ценили не только дельных людей, но и шутов. Особенно предпочтительным было сочетание данных качеств. Эту эпоху скорее можно характеризовать как переходную от традиционного, "чинного" поведения XVII века к рационализированному, расчетливому поведению века XIX. Наряду со следованием этикету в это время ценилось открытое шутовство, часто бывшее особым проявлением "придворной рациональности".

Такую стратегию поведения избрал А. Суворов, который, по замечанию С. Соловьева, будучи отлично обученным и талантливым офицером, понимал, что не "став на вид", не обратив на себя внимание двора, невозможно достичь положения, которого он был достоин. В результате "Суворов сделался чудачком" и остался в памяти современников не только как великий полководец, но и придворный шут. Он вскакивал во время обеда на стол и кричал петухом, даже дома хлебал кипящие щи, стоявшие на раскаленной печи... Он женил своих крепостных, построив их парами в ряд как придется. Последний трюк имел беспроигрышный успех, так как свадьбы прислуги любили все императрицы, особенно Елизавета [12; 6, т. 4, с. 338].

Эта поведенческая стратегия, отмеченная А. Грибоедовым в "Горе от ума" как яркий признак эпохи, была широко распространена среди московской знати, которая соревновалась не только в богатстве карет и лошадей, одежде кучеров, но и в необычности, шутовском характере выездов и прогулок, обращении с гостями. Следующее поколение характеризовало такие поступки как самодурство или оригинальничание, но на самом деле эти действия были формой коммуникации с властью [9, с. 193]. При определенном положении человека подобное поведение могло быть и символом его собственной власти. На самом деле трудно придумать что-нибудь более "оригинальное", чем поведение Г. Потемкина, который и иностранных послов принимал без штанов [3, с. 351].

Так проявлялся карнавальным характер эпохи, когда по всем правилам жанра женщины, разрушая традиционную идеологию и мировоззрение, заняли место царя. Это можно рассматривать как акт переодевания, передразнивания, осмеивания примет уходящей культуры. Женщина на престоле Святой Руси являла собой законченное проявление "Иного", небывалого, запредельного. Ее появление там недаром пугало народ и связывалось с голодом, болезнями, неурожаями. По логике этого переворота, и присягать женщине-императрице должны были не мужчины (как это было принято в патриархальном обществе), а женщины [13]. Роскошные наряды и вызывающее поведение маскировали постепенное разложение старых традиционных стереотипов и поведение новых.

В этом смысле смена языка имела не только функциональное, но и большое символическое значение. Характерно, что при Анне Иоанновне и засилье немцев знание иностранных языков было очень мало распространено даже среди офицерства [5, кн. X, с. 524]. Немецкий, а затем и французский языки стали цениться в середине века прежде всего как атрибуты маскарада, приметы светской жизни, любовного общения, романтических фантазий. Их главная роль заключалась в разрушении старого дискурса, неотделимого от старославянского языка, как носителя уходящих ценностей. В отходе от тяжеловесной старославянской поэзии, в "смешении языков", кривляниях лингвистического маскарада постепенно складывался современный русский язык и современные формы мышления.

Таким образом, эпоху правления женщин-императриц в России нельзя недооце-

нивать. Это была очень важная связка в отечественной истории, заполнившая образовавшийся после петровских реформ разрыв и обозначившая частичную смену *насильственной* европеизации, проводимой государством, элементами *спонтанной* европеизации, базировавшейся на формировавшихся под влиянием придворного общества потребностях и интересах дворянства. Огромную роль в этом играла гендерная принадлежность правительниц России, их образ жизни и появившиеся женские формы общественной организации и передачи культурных норм (моды).

По свидетельству современника этих перемен А. Болотова, новые формы существования стали впервые рассматриваться рядовыми дворянами как "хорошая жизнь" [5, кн. XII, с. 278]. Нововведения распространялись на местах не приказным порядком, а через местные дворянские общества, во главе которых стоял губернатор. Так воспроизводилось придворное общество и его светские нормы поведения. Дворяне, за которыми в 1785 году было окончательно закреплено право привилегированного сословия самим определять, служить или не служить, все же медленно возвращались в деревни, оседали в губернских и уездных городах, составляя основу тамошнего образованного общества. Постепенно новые формы поведения, любовь к европейской музыке и живописи, чтению романов, модные стихи и песни распространялись в российской глубинке.

Перспективы женской политики в России

Исторический прецедент XVIII века представляет большой интерес сейчас, когда страна находится во многом в сходных условиях, переживая новый этап вестернизации и приходя в себя после шока от авторитарных экспериментов, по сравнению с которыми петровские преобразования уже не кажутся столь радикальными. Большинство населения, как и почти три века назад, насильственно вовлечено в новые, малопонятные и плохо отрегулированные отношения, "выживает" в мрачном ущелье потерявшего преимущество времени, ставшего вдруг дискретным, разорванным. Этот период принято сравнивать со Смутным временем, но скорее он - его преддверие, ибо основное свойство такой эпохи - наличие нескольких, в равной мере признаваемых значительными группами населения центров власти в стране.

Альтернативе кризиса власти в данных условиях должна быть противопоставлена не менее радикальная альтернатива, позволяющая сохранить единство государства, преимущество культуры, перевести вестернизацию в эволюционную плоскость и придать ей определенные правила. Таких вариантов несколько и один из них - *гендерная* альтернатива, отработанная в истории страны и имеющая ряд преимуществ в современном постиндустриальном обществе.

Одно из наиболее привлекательных свойств женской власти - действовать *помимо бюрократии*, путем конструирования параллельных структур управления и обратной связи, имеющих общественный характер и основанных на новых, возникающих потребностях людей и деятельности неформальных организаций в центре и на местах. Такие организации уже налицо, и это едва ли не единственные представители реальных интересов населения, а не идеологических течений с неустойчивой (по разным причинам) общественной базой. Их главная роль - ограничение бесконтрольности чиновников, борьба за правовой характер деятельности институтов государства. В этом смысле женские организации - альтернатива в равной степени как авторитарным, так и коммунистическим или олигархическим тенденциям, представители которых стремятся по-разному использовать *последствия* модернизации (для концентрации власти или обогащения). Наряду с другими правозащитными организациями они представляют собой силу, заинтересованную в политической модернизации (формировании гражданского общества и правового государства) *как таковой*.

Вспоминая опыт второй половины XIX-XX веков, начинаешь думать о том, что гражданское общество в России - это во многом женская альтернатива "диктатуре

развития". Меня лица (монархия, советская республика, демократическая республика), последняя стремится навязать России готовые рецепты модернизации. Почему они каждый раз терпят крах? Во многом потому, что являются для власти не целью, а средством, в то время как артельные и общинные, государственнические инстинкты русского мужика, шею которого используют для реализации всех этих красивых проектов, не позволяют ему всерьез поставить вопрос о собственной пользе, о личной заинтересованности в преобразованиях, а заставляют каждый раз впрягаться в воз, на котором едут другие. Пассивность российских мужчин (женщины часто путают ее с их "феминизацией") - это как раз плод такой дурно понятой "сознательности", боязнь потребовать у общества лично для себя "лишнего".

В отличие от мужчин российские женщины всегда обладали меньшей "сознательностью" и начиная с деревни XIX века, а потом и в советские времена, больше думали о личном, чувствуя, что имеют на это право: ведь женское личное - это родовое, витальное, вечное: вопрос воспроизводства семьи и тем самым - нации. Мужской модернизации "сверху" всегда противостояла женская модернизация "снизу" - грошовые приработки у барина при царе и мелкая торговля модной одеждой в туалете "Детского мира" при советской власти [14]. Женская альтернатива телячьей "сознательности" мужского сообщества - это реальная политическая сила, способная определить будущее страны.

Конечно, женское сообщество расколото внутривидовой конкуренцией, прямым следствием общего кризиса государства и нации, проявляющегося в повышенной смертности молодых мужчин и массовом пьянстве выживших. Чем глубже будет кризис, тем сильнее разовьется эта конкуренция. Она подобна инфляции: в стране все более переоцененными оказываются мужчина и доллар. Но на последнем рубеже российские женщины умеют сплываться: вспомним Февральскую революцию 1917 года, начатую демонстрациями женщин Петрограда, поддержанными армией (кстати, женщины оказались последними, кто защищал Временное правительство).

Для такого сплочения есть объективные предпосылки в изменении глубинных мотиваций и механизмов контроля поведения человека в постиндустриальную эру. Эти изменения еще в 40-е годы XX века выявил американский социолог Д. Рисмен, противопоставивший человека индустриальной эры, все еще связанного с традиционными нормами поведения, убеждениями и идеологией, и человека постиндустриальной эры, чье поведение регулируется скорее внешним примером, модой, соблазнами, которые предлагает ему общество потребления [15]. В философии постмодернизма первая стратегия оценивается прежде всего как мужская, вторая, связанная с искушением, соблазнением, провокацией - скорее как женская [16]. Фактически это означает, что патриархат изживается не только в семье и государстве, но и в глубинных основах сознания. Мир феминизируется.

В современной элиасовской социологической школе, долгое время отстаивавшей принцип самоконтроля как завоевание человеческой культуры, сейчас под давлением реалий постиндустриального общества наметились компромиссы, сближающие идеи Н. Элиаса и Д. Рисмена. Их сторонники опираются на размышления первого о тенденциях контролируемого снятия внутреннего контроля за поведением, ставшего к началу XX века слишком жестким. По их мнению, "принципу приказа", неотделимому от самоконтроля, приходит на смену "принцип соглашения", ориентированный главным образом на просчитывание социальных реакций на свои поступки. В этих условиях никаких реальных границ для поведения человека не существует: все возможно постольку, поскольку не затрагивает чужих интересов [17]. Однако субъект поведения при этом уже не может ориентироваться исключительно на собственные представления о должном — он вынужден постоянно оглядываться на окружающих и оценивать их впечатление о своей деятельности и ее результатах. Так снова мужская стратегия поведения, опирающаяся на внутренние представления о праве и долге сменяется женской, при которой потребность нравиться и находиться в гармонии с

окружающими выражается в постоянном внимании к настроению людей как отражающему тебя зеркалу.

В условиях растущей непредсказуемости как в общественном развитии, так и в политике все большее значение приобретает не волевой принцип постановки и достижения определенных целей, а создание имиджа, провоцирующего человека на определенное отношение к данному руководителю или политическому течению, растормаживающего его активность, заставляющего продемонстрировать свои возможности, пойти на согласованную деятельность, что может дать лучшие результаты, чем последствия агитации или принуждения. Так "мужской" волевой принцип в политике сменяется "женским", *провокативным*, которым, как мы помним, отлично пользовалась еще Екатерина II.

Применять все эти женские стратегии все же лучше женщинам, чем мужчинам. Из истории известно, насколько неэффективной зачастую оказывалась политика женщин-императриц в патриархальном мире. Маскулинизация женщин-правителей, ярче всего проявившаяся к старости у Екатерины II, - зрелище неприятное и стыдное. Неестественной все чаще кажется и феминизация современных мужчин-политиков, стремящихся придерживаться веяний века. Особенно трудно представить себе такую подмену в России, где тяга к крайностям, став национальной чертой, в значительной степени определила мужскую, господствующую субкультуру. Современные формы социальной и политической жизни начисто отрицают возможность сохранения экстремизма ("идейности") как культурной доминанты. В то же время в России XX века с ее губительными ориентациями на самопожертвование человека с одной стороны и его самоуничтожение — с другой, женская субкультура оказалась носителем важнейшей ценности *меры*, центральной для западного мира и периферийной (но не менее важной) в наших условиях.

Двуединство стратегий провоцирования активности партнера и ограничения ее эксцессов, характерное для сексуального поведения женщины, становится в существующих условиях социально и политически значимым для России, где сейчас во многом утрачены как инициатива государства в стимулировании экономической и политической активности, так и разница не только между законным и незаконным, но и приличным и неприличным. Отсутствует и общественное соглашение о границах дозволенного, нарушение которого ставило бы самого богатого и влиятельного человека вне общества. Женщина у власти могла бы проявить себя в качестве общепризнанного примера нового стиля поведения и жизни, одновременно обозначив пределы приличий в политической и экономической сферах и закрыв их нарушителям доступ в подведомственную ей сферу власти и личных контактов.

Так женская стратегия поведения может выступить как скрытая, спящая, до поры до времени не востребуемая *цивилизационная альтернатива* господствующему стереотипу социальной деятельности.

Постоянный парадокс российской политики: государство, не способное в должной мере осуществлять регулирующие функции в обществе и постоянно балансирующее на грани хаоса, все время пытается выйти из этого положения путем волевой стратегии, через демонстрацию силы и принуждения. Отрицательный эффект этой стратегии отмечается А. Ахизером на протяжении всей истории страны [4]. Похоже, только смена стратегий, признание государством своей слабости и "соблазнение" общества преимуществами социальной активности и правового ее регулирования может составить антитезу этой застарелой тенденции. Только тогда и возможно будет обретение им подлинной силы, ибо оболыщение слабостью, по Ж. Бодрийяру, и придает мощь, наделяет способностью соблазнять и провоцировать активность [18]. Мужской стереотип образа государства при этом меняется на женский.

В этих условиях наиболее слабой чертой российских женщин-политиков выступает, как и в XVIII веке, стремление к "политическому унисексу" в стиле М. Тэтчер или М. Олбрайт, волевой политике, традиционной для нашего государства. В результате для них становится невозможным обрести подлинную, женскую по своей сути силу,

"соблазнить электорат", понравиться которому в нынешних условиях - их ключевая задача, не менее жизненно важная, чем для правительниц прошлого - Елизаветы Петровны или Екатерины II в их молодые годы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Женщины в исторических судьбах России. Кострома, 1995. С. 33.
2. *Васильева Л.Н.* Жены русской короны. М., 1999. Кн. 2. С. 287.
3. *Анисимов Е.В.* Женщины на русском престоле. СПб., 1997.
4. *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта. М., 1991. Кн. 1-3.
5. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. В 15 кн. М., 1962-1966.
6. *Ключевский В.О.* Соч. В 8 т. М., 1956-1959.
7. *Плеханов Г.В.* История русской общественной мысли. М.-Л., 1925. Кн. 1-3.
8. *Пономарева В.В.* Академия наук и становление научного знания в России // Общественные науки и современность. 1999. № 5. С. 10.
9. *Ионов И.Н.* Российская цивилизация. IX - начало XX века. М., 1998.
10. История России с древнейших времен до наших дней. В 12 т. М., 1967. Т. IV. С. 33.
11. *Mennel S.* Civilization and the Human Self-Image. Oxford-New York, 1989.
12. *Соловьев С.М.* Учебная книга по русской истории. М., 1915.
13. *Платонов С.Ф.* Русская история. М., 1996. С. 299, 311.
14. *Энгельгардт А.Н.* Из деревни. 12 писем. СПб., 1898. С. 383, 384.
15. *Riesman D.* The Lonely Crowd. New York-London, 1950.
16. *Гараджа А.* Деконструкция - дерридаизм в действии // Искусство. 1989. № 10.
17. *Swaan A. de.* Vom Befehlprinzip zum Verhandlungsprinzip // Der unendliche Prozess der Zivilisation. Zur Kulturologie der Moderne nach Norbert Elias. Frankfurt-am-Main-New York, 1991.
18. *Бодрийяр Ж.* Фрагменты из книги "О соблазне" // Иностранная литература. 1994. № 1.

© И. Ионов, 2000